

Как я стал альтистом

Года два назад на сахаровском фестивале в Нижнем Новгороде Юрия Башмета спросили: почему исчез с телеэкранов его «Вокзал мечты»? Низкий рейтинг — так, по словам музыканта, объяснили ему на телевидении. Недавно по каналу «Культура» передача об искусстве альты возобновилась. О своей музыкальной судьбе Юрий Башмет рассказывает лондонскому корреспонденту «МН» Ефиму Барбану.

Юрий Башмет

Мск. молвети. — 1998. — 15 февраля. — с. 28, 29.

— Что побудило вас стать музыкантом? Семья или какие-то внешние обстоятельства?

— И то, и другое. Мои родители не были профессиональными музыкантами, но очень любили музыку. А внешние обстоятельства заключались в том, что я вырос во Львове — городе, в те времена не очень спокойном. Однажды я услышал, как моя мама говорила подруге: «Чтобы ребенок не стал бандитом, нужно, чтобы он был чем-то занят». Кстати, и дом наш стоял рядом с консерваторией.

Однажды к нам в квартиру поступала молодая девушка, студентка

консерватории, и спросила, не сдаются ли у нас комнаты. Родители мои никогда комнат не сдавали, но девушка выглядела такой несчастной, что моя сердобольная мама приютила ее на ночь. Девушка так понравилась моим родителям, что они решили ее оставить. Она прожила у нас много лет. Сейчас Галина Дымчук поет в одном из киевских хоров. А тогда к ней часто приходили подруги, и одна из них, Валя Стрельченко, глядя на меня, однажды сказала: «Та хай дытына вчытыся музыци». Это и решило мою судьбу.

— Почему вы выбрали альт? Когда студент в скрипичном классе плохо за-

нимается, профессор пугает его, что переведет в класс альты.

— В те времена дешевле всего была скрипка. Она стоила 10 рублей 50 копеек. На пианино денег в семье не было. Так что мне купили скрипку. Через год судьба свела меня с замечательным педагогом Зоей Мерцаловой. Я стал лидирующим скрипачом в музыкальной школе, однако обучался в классе альты — руки были еще маленькие. Мой педагог альтистка Нина Вишневецкая настолько фанатично любила альт, что говорила как раз обратное: «Если будешь хорошо заниматься, мы тебе дадим альт». Но альтистом я стал совсем по другой

причине. Скрипка была для мамы. А мое сердце занимала гитара. Это были времена «Битлз», у меня был свой ансамбль. И когда в седьмом классе встал вопрос: продолжать ли мне играть на скрипке или переходить на альт, я, узнав, что на нем надо играть так же, как на скрипке, подумал: «Ну какая разница». К тому же мне сказали, что с альтом нужно меньше заниматься, чем со скрипкой, и больше времени останется для гитары. Лишь поступив в Московскую консерваторию, я бросил гитару, хотя скучаю по ней до сих пор.

— Я вспоминаю ваш недавний концерт в лондонском Барбикан-холле:

некоторая импровизационность вашей игры — не следствие ли бывших увлечений роком и поп-музыкой?

— Безусловно. То, что я в юности стоял с гитарой на сцене, импровизируя свои сольные каденции, сыграло свою роль.

— Тем поразительнее взлет от легкой музыки к таким музыкально-философским сочинениям, как альтовый концерт Шнитке, для вас написанный и вам посвященный. Мне кажется, сотрудничество со Шнитке стало всхоим не только вашему, но и его творчества.

— Абсолютно согласен с вами. С Альфредом Гарриевичем у нас произошло мощное творческое взаимодействие. Впрочем, думаю, я здесь не одинок и такого рода связь у Шнитке возникла еще раньше с Гидоном Кремером. Кстати, именно Гидон познакомил меня с музыкой Шнитке, когда я был студентом консерватории. И через много лет, кажется, в 1976 году, Кремер привлек меня к первому исполнению фортепианного квинтета Шнитке. И как полагалось в те времена, после премьеры Альфред пригласил исполнителей на ужин. Тогда я и обратился к Шнитке с просьбой написать для меня концерт: альтовый репертуар невелик, а мне хотелось сыграть

что-то очень значительное, незаурядное. Его музыка представлялась мне именно такой. Шнитке при свидетелях торжественно пообещал это сделать. Вы знаете, сколько лет ему понадобилось, чтобы взяться за этот концерт? Девять. Когда я ему об этом сказал, он ответил: «Если бы я написал его раньше, это была бы другая музыка».

Интересно, что Шнитке легко относится к ревизии своей партитуры. Если я что-то менял в его динамических нотных обозначениях, он всегда говорил: «Играй, как хочешь, ты исполнитель, которому мне ничего не нужно объяснять». Конечно, это очень приятно было слышать, но со временем я все чаще обращаюсь к его тексту. Я весь мир объездил с этим концертом и должен сказать, что композиторская проницательность Шнитке всегда в конце концов побеждала.

— Вы играете сейчас больше за рубежом, чем на родине. Не чувствуете вы себя музыкантом скорее европейским, чем российским? Вообще, кем ощущает себя музыкант еврейского происхождения, родом с Украины, получивший образование в России и ставший международной музыкальной звездой?

— Это вопрос очень сложный, но интересный. Во Львове, где прошло мое детство, смешались польская, русская, украинская, австро-венгерская и еврейская культуры. Я ощущаю в себе эту странную смесь. Однако как музыкант я чувствую себя представителем русской школы. Я не имею в виду музыкально-технический аспект. Я, например, приехал в Москву законченным инструменталистом. Но особенностями музыкального мышления я во многом обязан моим московским педагогам Валиму Борисовскому и Федору Дружинину. Именно в этом я вижу главные признаки школы. По типу музыкального мышления, вкусу, даже академизму я принадлежу русской музыкальной школе. Чисто инструментальные данные, на мой взгляд, во многом национально обусловлены. Немцев, к примеру, отличает деловитость и добросовестность, французов — элегантность и эстетизм. Ну а музыкальная профессия для еврея — обычное дело. И это тоже, видимо, органичная часть моей индивидуальности. Так что, где бы я ни играл, я чувствую себя российским музыкантом с универсальными культурными корнями.